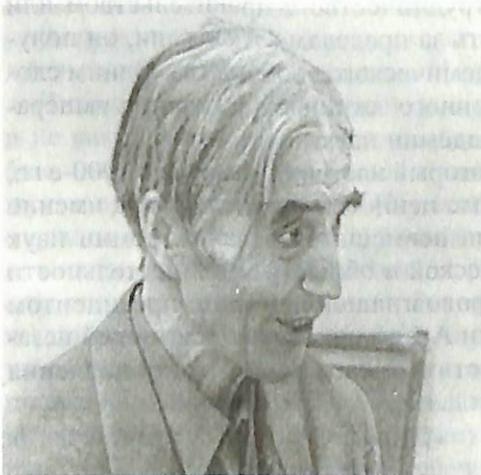


# 50 лет со дня основания Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ

## «ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ СВЯЗАНА ЦЕЛИКОМ И ПОЛНОСТЬЮ С ИНСТИТУТОМ...»

(Интервью с д. и. н. Анатолием Васильевичем Кольцовым)



*А. В. Кольцов. 23 ноября 1999 г.  
Видеосъемка А. А. Жидковой*

Мы познакомились с Анатолием Васильевичем Кольцовым 23 ноября 1999 г. в кабинете директора Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ, любезно предоставленном его хозяином, доктором биологических наук Э. И. Колчинским, в полное наше распоряжение. Нас встретил невысокий, очень худой, усталый человек. Трудно было узнать в нем обаятельного красавца с румянцем во всю щеку и потрясающей улыбкой, которого вспоминают старейшие сотрудницы института. Но первое впечатление оказалось обманчивым. Стоило один только раз взглянуть в его лукавые, полные жизни глаза, несколько минут послушать неторопливую окаяющую речь — и стало вдруг понятно, почему дамы называют его неотразимым.

Формальная биография доктора исторических наук А. В. Кольцова, отраженная в документах его личного дела, кажется ничем не примечательной, похожей на сотни таких же биографий его современников. Анатолий Васильевич родился 18 июня 1927 г. в деревне Козлово Петриневского уезда Вологодской области, в крестьянской семье. В 1935–1942 гг. учился в деревенской семилетней школе, затем, в 1942–1945 гг., — в аннинской средней школе. В 1945 г. он поступил на исторический факультет Вологодского педагогического института, который закончил с отличием в 1949 г. В том же году стал аспирантом Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Окончил аспирантуру в 1952 г., защитив кандидатскую диссертацию и получив степень кандидата исторических наук. Некоторое время проработал младшим научным сотрудником в ЛО Института истории, но уже 24 ноября 1952 г. был назначен ученым секретарем Комиссии по истории АН СССР. Это назначение предопределило всю его последующую жизнь и навсегда связало с Санкт-Петербургом (тогда Ленинградом) филиалом нашего института. С 5 сентября 1953 г. А. В. Кольцов — исполняющий обязанности старшего научного сотрудника ЛО ИИЕТ РАН с одновременным выполнением обязанностей ученого секретаря Комиссии по истории АН СССР. В 1963–1966 гг., а также в 1972–1973 гг.



расшифровки записи, поскольку она была сделана уже после его смерти, и он, к глубокому сожалению, не мог ее отредактировать. При работе над текстом мы стремились максимально сохранить особенности речи А. В. Кольцова, грамматическое построение фраз, но тем не менее пришлось изъять из текста повторы, поменять местами некоторые части, чтобы не нарушать логической последовательности повествования, и т. п. Несколько фамилий и названий с трудом поддавались расшифровке и нуждались в уточнении. Полная, неотредактированная версия расшифровки интервью, аудио- и видеозапись беседы хранятся в Информационно-аналитическом центре «Архив науки и техники» ИИЕТ РАН.

*О. Валькова*

— *Анатолий Васильевич, расскажите, пожалуйста, где вы родились?*

Место рождения — глухая деревня. Вологодская область, Петриневский район, деревня называется Козлово. Если ехать из Ленинграда по северной дороге до областного центра Вологда, то там есть город Череповец. От Ленинграда это 400 километров, здесь нужно сойти с поезда, и раньше 75 километров надо было пешком пройти, но сейчас дорогу проложили, и можно ехать на машине. Вот я там появился на свет 18 июня 1927 г. Но какова деревня!.. В красивейшем месте находится: леса, зеленые леса, превосходные; недалеко от деревни две речки. С тех пор я кое-что повидал, но кажется мне, что красивее моей родины ничего нет. Ну, что от родины осталось... вот акцент вологодский. Я никак не могу избавиться от акцента, хотя уехал из родных мест в возрасте пятнадцати лет.

— *Кем были ваши родители?*

Какова семья моя? Родители — русские крестьяне. Отец, Василий Михайлович. Образование — церковно-приходская школа, но это был человек-самородок, одаренный от природы организаторскими способностями. Писать и читать мог хорошо, строителем, мог возводить

превосходные дома: под его руководством построена в деревне была семилетняя школа, в которой я учился. Мать, Екатерина Андреевна, была совсем неграмотная, и она научилась читать и писать уже взрослой, когда шел процесс ликвидации неграмотности.

— *У вас есть братья, сестры?*

Семьи в то время в деревнях были довольно большими. В нашей семье было трое детей. Три сына. Старший — Александр Васильевич, средний — Иван Васильевич и я — младший сын. Учились в школе. Старшие братья оказались очень способными к наукам. В то время поощрялась тяга к знаниям, в школе учителя были очень хорошие. Старший брат по окончании семилетней школы поехал в Череповец, который ныне славен крупнейшим металлургическим заводом. Он в Череповце закончил педагогическое училище, был учителем начальной школы, а затем призван в армию, прошел почти всю войну и в июле 1944 года на территории Западной Украины убит. Был очень способный человек. Средний брат, Иван Васильевич, старше меня на пять лет, 1922 года рождения, окончил тоже семилетнюю школу, поехал в Череповец, закончил там медицинское училище. И тут началась война.

Он от звонка до звонка прошел всю Великую Отечественную. Сначала — рядовой боец, потом — фельдшер, ну а кончил воевать в звании капитана медицинской службы. Вернулся из армии в 1946 году. На этом не остановился, поступил в Ярославский медицинский институт и окончил его с отличием. Обнаружились у него, могу сказать, качества организатора медицины, и он очень хороший врач. В результате, когда было введено у нас звание «Народный врач СССР», брат Иван Васильевич в числе немногих получил это звание. И был долгие годы главным врачом металлургического комбината в Череповце. Сейчас уже по возрасту находится на пенсии. Кому и куда поступать, в какое учебное заведение, почему-то определял отец, Василий Михайлович. Он старшему говорил: «Ты, Александр, будешь учителем», а среднему: «Иван, ты будешь фельдшером».

**— Скажите, пожалуйста, а ваша мама не была против того, чтобы ее сыновья разъехались?**

Очень даже была, я так скажу. Она не выражала открыто, но очень все это тяжело переживала. Особенно когда старшего сына убили. Я могу рассказать: в годы войны я еще не подлежал призыву в армию и в летние каникулы жил в деревне. И вот от старшего брата долгое время не было писем. Мы забеспокоились: что такое? Вдруг приходит похоронное. Его в сельском совете отцу отдали, чтобы ни в коем случае матери не показывать. Так честно и прямо мы ей и не сказали, что старший сын убит — она сама знала. И это еще не все. Деревня-то наша от районного центра, где военкомат, за 45 километров. Мы должны были в годы войны сдавать государству картофель, зерно и так

далее, и я тоже занимался этим делом. Так вот, когда сдавали воз картошки, я зашел в военкомат. Там выдали мне все документы погибшего брата, его ордена и посылку, в которой его одежда была. Но я еще молодой был, всей трагедии не осознавал. Приехал домой, вижу — мать ходит. Я к отцу. В деревне отцу я об этом сказал, шинель брата достал. Вы представляете, стоит отец, потом грох прямо в обморок, на землю, я с большим трудом его отходил.

Очень была мама недовольна тем, что сыновья ее покидают, тяжело все это переживала... Как сейчас ее вижу, маму... Вот тогда время какое было... Вот сейчас, скажем, образование в меньшем почете, мне кажется, чем раньше. А тогда и в школе учителя говорили: учиться надо, учиться, учиться.

**— Вы не помните, раскулачивание коснулось вашей деревни?**

Когда шел процесс раскулачивания, я был в таком возрасте, что ничего не мог запомнить. Дело все в том, что кулаков не было. Некого было раскулачивать. Но известно, что в колхоз силой загоняли. И случаи были... Есть речка, замечательной красоты, на речке стоит мельница. И владельцем мельницы был мужичок один. Он огромную пользу приносил всем: урожай собирают, зерно, надо превратить его в муку, потом хлеб испечь... Мельницу конфисковали, она пришла в негодность, а мельника посадили, и он умер там. Такие случаи были, но кулаков не было.

**— Анатолий Васильевич, шла война, такое тяжелое время... Как вам удавалось учиться? Когда у вас возник интерес к истории?**

Братья были на фронте, а я между тем подрастал. Учился я в той же коз-

ловской семилетней школе. Зачатки интереса к истории науки, можно сказать без преувеличения, проявились уже в школьные годы. Школы были бедные. В нашей был шкаф с литературой, и поступали туда по разнарядке самые разнообразные книги. Системы не было. Я помню, до 15 лет я от корки до корки прочитал Чарльза Диккенса «Домби и сын», «Трех мушкетеров» Дюма, затем «Айвенго» Вальтера Скотта. Я полюбил эту английскую и французскую литературу... В этом шкафчике была литература и научно-популярная. Я сколько лет живу, все хочу выписать из библиотеки Академии наук и посмотреть одну из тех книг. Инициалов автора не помню, фамилия — Беркл. Называется «Герои и мученики науки». Я помню, от корки до корки ее читал. Там очерки о Джордано Бруно, о Галилее. Это было чрезвычайно интересно. До сих пор, повторяю, хочу выписать, посмотреть: какое восприятие сейчас будет. Потом была тоже популярная книжечка, автора не запомнил, — «Дети главной науки». О медицине. Тоже с большим интересом ее изучал. Так что любовь к чтению и к литературе как-то сама собой воспиталась. И были прекрасные учителя. Помню, когда мы изучали по истории культуру средних веков, естественно, упоминался «Дон Кихот» Сервантеса. Я очень горевал, что в школьной библиотеке не было этой книги. Удалось получить ее и одолеть позднее.

Окончил я семилетку — шел 1942 год — в возрасте пятнадцати лет. Дальше продолжать образование?.. И отец сказал: «Будешь учителем начальной школы». Я сказал: «С удовольствием!». Педучилище находилось, и сейчас оно там находится,

в старинном русском городе Белозерске, на расстоянии от родной деревни в 75 километров. Отец меня отвез в Белозерск. Поскольку я семилетнюю школу кончил по всем предметам на отлично, меня без экзаменов туда приняли... Я стал, как тогда говорили, не студент, а ученик Белозерского педучилища. Там я... «Дон Кихота» первым делом прочитал и стал учиться. На берегу Белого озера — красивейшее озеро было — жил в общестии. В пятнадцать лет впервые от родных оторвался, связи с домом нет: там дороги плохие, и помощи никакой. Голод хватил такой. Потом началась простуда на почве недоедания и истощения. Я чувствовал уже, что дело может плохо кончиться, и пришлось покинуть педучилище. Отец меня на лошадке полуживого привез обратно.

— *Где вы продолжили образование?*

Я поступил в аннинскую среднюю школу. Она находилась от деревни на расстоянии 18 километров. Можно было каждую субботу бегать домой, пополнять запасы картошки и сухарей. Так я среднюю школу и закончил. Были замечательные учителя по всем дисциплинам. Литературу я также продолжал читать, но меньше, потому что загрузка в средней школе тогда невероятная была. После окончания аннинской средней школы я поступил в Вологодский педагогический институт на исторический факультет. С отличием его закончил через пять лет, в 1949 году. Во время учебы участвовал во всяких кружках — и так далее, и так далее... и был рекомендован в аспирантуру. Осенью того же 1949 года приехал в Ленинград и по конкурсу прошел в аспирантуру Ленинградского отделения Института истории. Она поме-

шалась здесь, в библиотеке Академии наук. Надо сказать, что, в отличие от наших времен, конкурс был очень большой. Но у меня все прошло удачно. В деревнях тогда не было преподавателей иностранных языков. И с языком у меня было слабовато. Но почему-то отнеслись ко мне здесь очень снисходительно. Прослушали мои ответы по специальности и по всем другим дисциплинам, дали консультанта по языку, и он меня «дотянул». В результате я получил удовлетворительную оценку и был принят в аспирантуру.

— *Почему вы поехали поступать в аспирантуру именно в Петербург, в Ленинград?*

Очень простая причина. В Вологодском педагогическом институте был преподаватель один, он сказал: «Поезжай туда, там хорошие люди». И это произвело впечатление. Мне было все равно куда. Здесь не было знакомых, и, скажем, в Москве не было знакомых. Так скажу, что встретили здесь хорошо, и вот сюда поехал. Ленинградское отделение Института истории располагало очень крупными специалистами по всем отраслям исторической науки. Мне был руководителем выделен (тогда он был кандидатом, а потом доктором исторических наук) Ш. М. Левин — крупнейший специалист в области истории общественно-политической мысли России и революционного движения, человек исключительного образования, широкой культуры и таланта. И он рекомендовал мне тему: «Культурное строительство в СССР в годы первой пятилетки». Я погрузился в литературу и стал изучать газеты в публичной библиотеке, а потом архивы. В процессе изучения этих газет я натолкнулся на материалы по исто-

рии Академии наук. В результате стал выписывать, выписывать... Материалов настолько было много, что я сам тогда подошел к этой теме. Но тем не менее в диссертацию материалы по истории Академии наук не вошли, она была посвящена культурному строительству: народное образование, подготовка кадров интеллигенции, ликвидация неграмотности, искусство и литература в России и так далее... Диссертацию защитил раньше срока на полгода<sup>4</sup>. Относились, как я говорил, все очень хорошо.

Встал вопрос о работе... И тут мне тоже очень сильно повезло. Освобдилось место младшего научного сотрудника, и я стал младшим научным сотрудником. Я с огромным удовольствием стал работать. Шла работа над очерками по истории Ленинграда. И молодому сотруднику — мне двадцать пять лет только исполнилось — дали тему о столыпинской аграрной политике, и я стал ею усиленно заниматься.

— *А как вы попали в Комиссию по истории Академии наук?*

В один прекрасный день вызывают меня в управление кадров Ленинградского административно-хозяйственного управления Академии наук и говорят: «Есть предложение назначить вас ученым секретарем Комиссии по истории Академии наук». В этой комиссии произошли неприятности с ученым секретарем, Алексеем Александровичем Елисеевым. (Я об этом по просьбе редколлегии

<sup>4</sup> А. В. Кольцов защитил диссертацию на степень кандидата исторических наук по теме «Культурное строительство в РСФСР в годы первой пятилетки: 1928–1932» в Ленинградском отделении Института истории АН СССР 10 ноября 1952 г.

[ВИЕТ] написал статью <sup>5</sup>). Я категорически не хотел переходить на административную работу, потому что в институте относились ко мне хорошо. Очень там хотелось остаться: и база роста, и руководитель там... Но мне сказали: «Нет. Государство на вас тратило деньги — надо отработывать, вот вы и будете в Комиссии по истории Академии наук на административной должности, и зарплата у вас будет выше...» И все. Меня даже и зарплата никакая не прельщала... В общем, было принято постановление Президиума, и я стал ученым секретарем Комиссии по истории Академии наук <sup>6</sup>. Так началась моя деятельность в этой области.

Удивительное дело: в Комиссии был сильный коллектив квалифицированных специалистов, они должны были писать историю Академии наук, но вот не справились они с этой задачей, поскольку задача очень сложна и настолько тяжела, что трудно себе представить. К тому же их обвинили в незаконном получении гонораров. В моей статье я опроверг это все <sup>7</sup>. И об этом же писал Симон Семенович [Илизаров] <sup>8</sup>. Вот так началась работа над историей Академии наук. Я не скажу, что испытывал

большую бодрость. Ничего подобного не было.

— *Вашим руководителем стал Вячеслав Петрович Волгин?*

Главный начальник — вице-президент Академии наук, крупнейший ученый, Вячеслав Петрович Волгин. Образованнейший человек. Так, понимаете ли, зло на таких людей... Вот когда утвердили меня, он вызвал меня и провел со мной беседу о том, что заниматься культурным строительством хорошо, но есть дела и поважнее. Я ему все объяснял, что опыта нет, не справлюсь. Он ничего не слушал, говорит: «Первый, второй и третий тома будете делать». И дает совершенно конкретные, «очень ценные» указания, как надо начинать работу, что должно входить в первый том — восемнадцатый век, что должно в девятнадцатый век. А я уже историю Академии наук этого периода знал... Ну, что ж делать... Вот так приступил я к работе.

— *Как складывался коллектив Комиссии?*

По штату в Комиссии полагался заместитель главного редактора, доктор наук. Я нашел такого доктора. Им стал крупный историк Михаил Порфирьевич Шацкий, тоже из Ленинграда. Его утвердили. Он включился в работу, но потом пошел на повышение и отошел от этого. Пришлось нового искать. Нового нашел тоже я. Почему я? Потому что знал, как это там все происходит... Анатолий Васильевич Предтеченский стал заместителем главного редактора Комиссии по истории Академии наук. Анатолий Васильевич — стилист замечательный, девятнадцатый век, культуру, общественно-политическую жизнь хорошо знал, музыкант, поклонник Сергея Васильевича Рахма-

<sup>5</sup> См.: Кольцов А. В. Как писалась «История Академии наук СССР» // ВИЕТ. 1999. № 3. С. 146–157.

<sup>6</sup> В соответствии с приказом № 161 по Ленинградскому административно-хозяйственному управлению АН СССР А. В. Кольцов исполнял обязанности ученого секретаря Комиссии по истории АН СССР с 24 ноября 1952 г.

<sup>7</sup> Кольцов. Как писалась «История»... С. 149.

<sup>8</sup> Илизаров С. С. Формирование в России сообщества историков науки и техники (Сотрудники ИИЕТ 1993 года: Библиографический словарь). М., 1993. С. 54–55.

нинова и т. д. Вскоре Вячеслав Петрович Волгин отошел от дел. Его по возрасту не избрали вице-президентом<sup>9</sup>. Вице-президентом стал Константин Васильевич Островитянов<sup>10</sup>. Шацкий уже ушел в это время, а Предтеченский пришел позднее. Какое-то время всю администрацию в Комиссии по истории Академии наук я представлял. Но тут мне подвезло. Создали в сентябре 1953 г. наш родной институт. Первым директором был Александр Михайлович Самарин, потом появились Валерия Алексеевна Голубцова, Николай Александрович Фигуровский, Иван Васильевич Кузнецов... в общем, это вы все знаете. Я обратился за помощью в дирекцию — мол, так и так, надо начинать. И стал подбирать авторский коллектив первого тома «Истории Академии наук»: хотя рукопись предшественниками была написана, но она не годилась, потому что писали неспециалисты. Должен физику историк физики писать, математику — историк математики и т. д. Был небольшой аппарат Комиссии по истории Академии наук. Собрали этот аппарат, составили план-проспект, а потом создали институт, сформировалось и Ленинградское отделение Института истории естествознания и техники. Во главе его встал замечательный человек Борис Варфоломеевич Федоренко, хотя он не имел ученой степени, но был назначен исполняющим обязанности. И вот с ним мы стали работать и над историей Акаде-

мии наук, и по формированию нашего Ленинградского отделения.

— *Как получилось, что Комиссия по истории Академии наук вошла в состав института?*

Соединили все вместе. Просто. На базе Института истории естествознания и Комиссии по истории техники в Москве был создан Институт истории естествознания и техники, Ленинградское отделение. И они, я так скажу, здорово помогали, не обижали. Там много было талантливых людей собрано, и вот сейчас научная молодежь, очень хорошо.

— *Какие подразделения вошли в состав Ленинградского отделения ИИЕТ?*

Было это в 1953 году, но помню, точно это было вчера. Вошли в состав Ленинградского отделения Музей Михаила Васильевича Ломоносова, Комиссия по истории Академии наук, и была Комиссия по разработке научного наследия Дмитрия Ивановича Менделеева, и еще Комиссия по истории физико-математических наук. Но что такое комиссия? Штат у них — один-два человека, а кто вне штата — на общественных началах продолжали работать.

Дали нам помещение. Размещались первоначально в главном здании Академии наук, как раз с окнами на Неву, только сиди и работай. Я помню, что когда формировали, то даже мелочи вызывали трудности: как разместить сотрудников, куда кого посадить. Я помню, что член Комиссии, отвечавший за историю физико-математических наук, Филипп Прокопьевич Отрадных был очень недоволен, что его в темную комнату посадили. Всех пришлось уговаривать и спланировать коллектив. Борис Варфоломеевич Федоренко оказался замечатель-

<sup>9</sup> В. П. Волгин (1879–1962) был вице-президентом АН СССР с 8 мая 1942 г. по 26 октября 1953 г.

<sup>10</sup> К. В. Островитянов (1892–1969) — вице-президент АН СССР с 26 октября 1953 г. по 29 июня 1962 г.

ным организатором. Стали подбирать постепенно кадры. Дали нам штатные единицы. Надо создавать было, как всегда положено, партийную организацию. Набралось у нас пять членов партии. Меня избрали секретарем партийной организации. И все переизбирали секретарем партийной организации в течение девяти лет — возможно, потому, что я стремился по-хорошему относиться к людям. Ученого совета первоначально не было, а Борис Варфоломеевич Федоренко говорит: «Давайте будем проводить заседания и называть их “ученые собрания”». Все выступали с докладами на этих заседаниях, привлекали актив со стороны.

— *Вы упомянули, что вас выбрали главой партийного комитета. А когда вы вступили в партию?*

В 1947-м <sup>11</sup>.

— *Во время учебы в институте?*

Когда я учился, да, да, да. В 1947 году. Я так скажу, что вот мое пребывание в партии нашему учреждению принесло только пользу. Я вспоминаю сейчас: ни одного такого неблагоприятного поступка не было совершено. Как-то я пытался не идти на поводу и ладить с партийным начальством, чтобы защитить здесь кадры. Всякое ведь бывало. Но один эпизод вспоминается. Когда готовилась к печати рукопись первого тома, долго не могли найти автора по истории анатомии и физиологии. Был такой выдающийся академик Константин Михайлович Быков (кто произносит Быков, но надо — Константин Михайлович Быков <sup>12</sup>), у не-

го была дочь, безработная. Ее к нам направили, она стала работать. Посоветовались: «Чем ее занять?» — «Давайте ей поручим раздел (такой папаша!) физиологии — пусть напишет».

Она взялась и, в общем, написала неплохо. Но там была такая мысль, что уровень физиологии в России, в частности в Санкт-Петербурге, был выше, чем за границей, потому что здесь разрешали проводить упражнения на трупах.

Вот так. Еще рукопись только, а меня уже вызывают в райком партии. Инструктор говорит: «Вот такое-то на вас пятно». Отвечаю: «Почему пятно?» — «А вот Россия над трупами разрешала издеваться». «Нет, — я говорю, — ничего такого нет». — «Придется, значит... комиссию к вам направить».

Я, не производя никакого шума, пошел к секретарю по идеологии, а тот оказался человеком образованным. На этом дело закончилось в нашу пользу. Потом еще был тяжелый эпизод в жизни нашего учреждения. В 1958 году, в апреле месяце, скромнейшее учреждение — тридцати человек не было здесь — попало в газету «Ленинградская правда». Заметка называлась «Без учета требований жизни» <sup>13</sup>. Вот так. А что до этого произошло? Директором был хороший человек, крупный паразитолог, лауреат Государственной премии, Петр Павлович Перфильев. Он как-то не поладил с некоторыми сотрудниками и в результате решил уволить

<sup>11</sup> Видимо, ошибка памяти: судя по материалам личного дела, А. В. Кольцов был членом КПСС с 1949 г.

<sup>12</sup> К. М. Быков (1886–1959), физиолог, ака-

демик по Отделению биологических наук (физиология) с 30 ноября 1946 г.

<sup>13</sup> Зазерский Е., Стороженко Н. Без учета требований жизни // Ленинградская правда. 30 марта 1958 г. № 76 (13102). С. 2.

сразу трех членов партии. Среди них был известный историк техники Борис Николаевич Ржонсницкий, затем Степан Васильевич Жидкевич, биолог, и еще один был — слепой, слепой в прямом смысле — инвалид войны<sup>14</sup>. Уволенные стали писать жалобы, что учреждение, мол, такое-сякое. Набрали комиссию из очень авторитетных людей и стали проверять... Обычные недостатки нашли, которых в других учреждениях больше. Но тем не менее вот появилась статья «Без учета требований жизни». Был заслушан доклад Петра Павловича Перфильева на заседании бюро райкома партии. Указано, что то-то и то-то надо сделать. Под диктовку Фигуровского я написал в «Ленинградскую правду», что меры приняты и так далее...<sup>15</sup> А критика заключалась в том, что в институте нет кадров высокой квалификации, часто меняются темы, не развернуты исследования по истории техники в городе технического прогресса<sup>16</sup>. Но я честно вам скажу, как на духу, я всю жизнь стремился это дело сгладить, чтобы на учреждение не падало и тени подозрения, и в молодом возрасте как-то это удавалось. Ну, и еще частично это объяснялось моей педан-

тичностью и аккуратностью. Раньше была такая система: вот, предположим, приехал руководитель Сирии Шухри Куат. В Москве состоялся митинг. Никита Сергеевич Хрущев и Шухри Куат произносят речи. Звонком из райкома партии (как будто у нас тут Кировский завод): «Проведите митинг и давайте резолюцию с одобрением внешней политики партии». — «Пожалуйста»!

С теми, кто не уехал в отпуск, проводим митинг, моментально я резолюцию создаю. Так что отношения были хорошие. Ну, потом, к моему удовольствию, завели такое положение, что не может партийный руководитель избираться на длительный срок. Я ушел, пришли другие люди. Вот Людмила Николаевна Маркелова была, Юдифь Хаимовна Копелевич и другие. Вот так.

— *Давайте, если можно, вернемся к написанию истории Академии наук.*

Да, да, да. Между тем работа по истории Академии наук продолжалась. Я небольшой любитель ездить в командировки, но тогда я буквально неделями жил в Москве и собирал авторов, специалистов по всем проблемам. Родной московский институт помогал, очень здорово помогали, я им благодарен. Нашли авторов по истории физики, по истории математики, по истории, скажем, геолого-минералогических наук. И так сформировался коллектив специалистов, разработали для них инструкцию. Но одно дело — инструкция, а другое дело — писать. Еще при Вячеславе Петровиче Волгине состоялись заседания Комиссии по истории Академии наук, где заслушивались планы Комиссии, планы первого и второго томов. Вот представьте меня

<sup>14</sup> По-видимому, речь идет о А. М. Мурзине.

<sup>15</sup> Этот ответ был опубликован в «Ленинградской правде» 24 апреля 1958 г.: По материалам «Ленинградской правды» «Без учета требований жизни» // Ленинградская правда. 24 апреля 1958 г. № 96 (13122). С. 2.

<sup>16</sup> Одним из главных недостатков в работе ЛО Института было названо отсутствие печатных работ, посвященных 40-летию Октябрьской революции: «...О какой связи с жизнью можно говорить, если институт не откликнулся ни одной печатной работой на 250-летие Ленинграда и на сороковую годовщину великого Октября?» (Ленинградская правда. 30 марта 1958 г. № 76 (13102). С. 2).

в таком возрасте — двадцать пять лет — в составе Комиссии: там сплошь одни академики и с ними члены-корреспонденты маститые, а мне надо им докладывать план работы по первому тому, потом проспект, который мы составили по первому тому. Они обсуждают. Я как докладчик должен отвечать. Когда Владимир Михайлович [Орел] попросил меня написать об этом, я посмотрел стенограммы и сам удивился: как я в таком возрасте смог там отвечать? Сейчас бы, наверно, я не смог. То ли молодое нахальство какое, то ли что-то... Короче говоря, по истории Академии наук развернулась работа, статьи стали поступать. Иван Васильевич Кузнецов очень помогал, Николай Александрович Фигуровский... Стали собирать статьи — нет главного редактора. Дирекция наша в Москве нашла и нового главного редактора — вице-президента Академии Константина Васильевича Островитянова (мы говорили иногда Островитянов, но он говорил — Островитянов). Попросили его быть главным редактором. Он сказал: «Комиссию надо ликвидировать, а вместо нее образовать редколлегия». Так была создана редколлегия<sup>17</sup>. Том — первый том, посвященный восемнадцатому веку — был подготовлен, Предтеченский к тому времени пришел. Здесь и я набрался нахальства и стал редактировать маститых ученых и следить, чтоб все было в порядке... Не все с этим соглашались. Редактирование — очень трудное дело, потому что не всем крупным естествоис-

пытателям присуще чувство стиля, умение хорошо писать. И мы редактировали их тексты. Том был подготовлен и в 1958 году вышел в свет<sup>18</sup>, вы, наверное его видели... Том получил положительную оценку. Затем приступили к подготовке второго тома точно по такому же принципу. Тут я уже окреп — в том смысле, что опыт приобрел и редактирования, и всего прочего. В 1964 году вышел второй том «Истории Академии наук»<sup>19</sup>. С третьим томом велась продолжительная работа. Здесь мы потерпели трагическую неудачу. Неудача заключалась в том, что третий том был посвящен советскому периоду, задевал интересы живых людей.

— *В чем это выразилось?*

Ну, например, один академик говорит: «Почему такой-то упомянут десять раз, а я — один, и то в ссылке?» В результате рукопись третьего тома была подготовлена, но не утверждена. Когда решили остановить работу, главный редактор велел рукопись передать в Москву. Занялся ее доведением до конца Александр Аронович Гурштейн. Но ему тоже не удалось этого сделать по разного рода политическим и другим причинам. В результате рукопись оказалась в архиве нашего института. Это советский период, огромный том.

— *Расскажите, пожалуйста, как складывалась ваша служебная карьера в институте?*

Вся моя жизнь связана целиком и полностью с институтом. Надо сказать, что руководство института лично ко мне относилось в общем очень хорошо. Одно время я был директо-

<sup>17</sup> Редколлегия при ИИЕТ была создана Постановлением Президиума АН СССР от 1 апреля 1955 г. Этим же Постановлением К. В. Островитянов был утвержден главным редактором.

<sup>18</sup> История Академии наук СССР (1724–1803). Т. I. М.; Л., 1958.

<sup>19</sup> История Академии наук СССР (1803–1917). Т. II. М.; Л., 1964.

ром ленинградского филиала — тоже административным путем, силой назначен<sup>20</sup>. Я, в общем, администрирование не люблю, но в течение пяти лет я был заведующим Ленинградским отделением Института истории естествознания и техники. Затем я ушел на должность заведующего сектором. Директором филиала стал Юрий Сергеевич Мелешенко, человек очень талантливый и организатор большой. Вскоре решили на базе нашего филиала создать Институт социально-экономических исследований, против которого я был категорически: «Создавайте институт, но не за наш счет!» Юрий Сергеевич Мелешенко скончался, а Отделение как самостоятельное учреждение закрыли. Остались здесь два подразделения: сектор истории Академии наук и Музей Михаила Васильевича Ломоносова. Получили они название ленинградских секторов Института истории естествознания и техники. Я считаю, что правильно поступил тогда: вместе с группой сотрудников мы решили никуда не бежать, а остаться именно при институте, и Семен Романович Микулинский очень нам помог в этом. В результате прошло какое-то время, и в 1975 году был восстановлен снова филиал. Таким вот образом с 1967 года я веду сектор истории Академии наук<sup>21</sup>. Уже

<sup>20</sup> А. В. Кольцов назначен исполняющим обязанности заведующего Ленинградским отделением ИИЕТ 2 января 1963 г.; утвержден в должности — 13 ноября 1963 г.; освобожден от обязанностей заведующего ЛО ИИЕТ — 26 января 1967 г.

<sup>21</sup> А. В. Кольцов назначен исполняющим обязанности заведующего сектором истории АН СССР (с одновременным исполнением обязанностей заведующего ЛО ИИЕТ) 10 ноября 1966 г. и избран на эту должность по конкурсу 21 марта 1967 г.

по возрасту я давно отпрашиваюсь с этой должности, потому что у меня тяги к командованию и администрированию нет. Обещают отпустить.

— *Как вам работалось на посту руководителя Ленинградского отделения?*

Руководителя? Я так скажу, что тяжело работалось, потому что шло сокращение штатов как раз в то время. Это было при Никите Сергеевиче Хрущеве. Очень тяжело. Приходилось сокращать... Есть такой-то штат. Установка Президиума: надо сократить на определенное количество человек. А это живых людей надо выгонять. Это шло очень тяжело. Вот, в частности, был такой эпизод. Зачислили по указанию тех же партийных органов инвалида Великой Отечественной войны Александра Михайловича Мурзина. Ну, бедный человек, техник он, слепой. Он ничего, разумеется, работать не мог. Дирекция института тогда говорит: «Увольняй бездельника». «Увольняй!» Уволь, так шкуру снимут всякого рода партийные органы. Галина Евгеньевна [Павлова] была в то время ученым секретарем. Советуюсь с ней: «Ну, что будем делать?» — «А вернем его в то учреждение, откуда он к нам попал, в ЦКТИ — это Центральный котлотурбинный институт».

Сначала я пошел в обком партии с покорнейшей просьбой: «Такая-то обстановка, не можете ли вы устроить человека обратно? У нас тридцать пять человек, один бездельник — очень заметно. А где четыреста и миллионные бюджеты, там его никто не заметит». «Хорошо, поддержим», — отвечают.

Пошли с Галиной Евгеньевой, она была в таком... не полушубке, я не знаю как... тулупчике, необычай-

ной красоты, к заместителю директора Центрального котлотурбинного института, долго сидели у него и убеждали. Мурзина устроили. Это была выдающаяся победа. Вклад Галины Евгеньевны в это дело велик.

И это не все. Был еще сотрудник — главное, не я брал его на работу, обидно — Вадим Борисович Вилинбахов. Петр Павлович Перфильев взял его в штат, потому что Вилинбахов оказался племянником — чьим? Был уполномоченный Президиума по Ленинграду, а у уполномоченного Президиума была женщина-референт, всесильная она, а Вилинбахов — ее племянник. Значит, Петр Павлович Перфильев взял. (Это теперь наше учреждение самостоятельное: мы ученые советы проводим, все рукописи утверждаем сами. Это великое дело... А тогда надо было все в Москву. Рукопись написал — на ученый совет, еще незнакомому попадет, неизвестно, как что пойдет; и отчитывались там.) Вот я выступаю в Москве на ученом совете по поводу Вилинбахова. А у Вилинбахова много работ по археологии. «Зачитайте, — говорят, — список работ». Я зачитываю: «...Археология: Адыгея, Кабардино-Балкария...» Говорят: «Простите, пожалуйста, у нас не институт археологии. Уволить!» Я говорю: «Затаскают, затаскают после этого».

Было принято решение. Это совершенно ужасная была система. Да еще совпало с общим увольнением. Как сейчас помню, заседание у уполномоченного Президиума Бориса Евсевича Быховского. Речь шла о разных вопросах. Все директора разошлись, я один остался. Прошу: «Борис Евсевич, не поможете? Московская дирекция давит, вот надо уволить Ви-

линбахова. Надо найти ему место». «Ну, помогу, — говорит. — Вилинбахов сын знакомого моего, который деньги собирает старые».

Долго я ожидал. Хотели Вилинбахова пристроить в библиотеку университета. Быховский направил туда одного своего сотрудника, профессора Терентьева. Не взяли. В конце концов Вилинбахова уволили, никуда не устроив. Пошли повсюду жалобы. В результате этих жалоб Семен Романович [Микулинский] сюда приехал, и инструктор ЦК КПСС Кузьмин, и вот в этом кабинете, я помню, сидели страшно долго. Опять трясли — ух! — все учреждение: и такие-то, и такое-то, и прочее... И Вилинбахова вызывали для беседы, а он неустроенный. Вот это и есть неприятности. Мы же пытались как-то помочь, а Кузьмин говорит: «Вы не играйте с нами в кошки-мышки!» Вот так. Ну какие тут кошки-мышки! Потом куда-то его все-таки пристроили на временную работу. Вот это все самым тяжелым было <sup>22</sup>.

— *В 1972 году вам тоже приходилось исполнять обязанности руководителя?*

Да, да. Приходилось. Я административной работы боюсь как огня. Тогда что произошло? Я по своей инициативе ушел в 1967 году, но, честно говоря, было недовольство и дирекции, и Семена Романовича [Микулинского]. (Семена Романовича отношение ко мне было переменчиво. Но в конечном счете стало очень хорошим.) К концу моего первого дирек-

<sup>22</sup> Об этих сложных ситуациях рассказывала в своем интервью Г. Е. Павлова, см.: Последний рассказ историка науки: интервью Г. Е. Павловой (6 июля 1999 г., ИИЕТ РАН) // ИИЕТ. 2001. № 1. С. 175–176.

торства стали развиваться науковедение и исследования по научно-технической революции. В Москве это хорошо: там большой институт, и не сожрут, грубо говоря, остальную тематику. А здесь, как это началось, говорят: «История Академии наук — это фактология, это никому не нужно... Вот надо науковедение. Мы рекомендации будем давать, как науку строить и научно-техническую революцию делать. Мы обгоним Японию!» Вот так. И тогда я ушел. В результате Отделение закрыли, и осталось два сектора. Я никак не хотел быть директором. Мелещенко, который хотел, скончался<sup>23</sup>. На кладбище Микулинский говорит: «Вам придется возглавить эти сектора». И уже приказ в кармане привез. Ну что тут скажешь. Я и был заведующим вот в это тяжелое время<sup>24</sup>. Но я просил, чтобы был помощником Борис Ильич Иванов, есть у нас такой хороший человек, он был ученым секретарем.

— *Вы еще упомянули, что часто возникали проблемы с изданием тех или иных рукописей.*

Это часто возникало, обычная история, но должен сказать, что все это шло через Москву, и когда я был директором, Москва не обижала, не обижала. Это справедливо надо говорить. У нас был Борис Евгеньевич Райков, такой маститый, классик истории биологии, каждые два года вот по такому тому выпускал — «Русские

биологи-эволюционисты до Дарвина»<sup>25</sup>... Не знаю, по-моему, очень нудно и неинтересно я рассказываю... На самом деле я юмор люблю, и прочее...

— *Тогда расскажите о какой-нибудь смешной ситуации...*

Вот не знаю, ну ничего как-то не приходит... Много всяких вещей было. Но мелочи такие... Вся жизнь прошла в учреждении, я не мыслю себя без Института истории естествознания и техники, его Ленинградского филиала. Ну, если вы хотите... Раз я, находясь один вот в той комнате, где вы были, испытал подлинный страх, но не моральный, а физический. Я это рассказывал как-то здесь на заседании: никто не верит. Физический страх. Столовая тут была. Люди все ушли на обед, куда-то разбежались, никого нет, и здесь никого нет — закрыто, и там никого нет, я один. Сажу там за печкой (я за печкой с 1955 года сажу, и очень мне место нравится). Вдруг слышу: в коридоре, вот в этом длинном коридоре, какое-то движение происходит. А день был солнечный, осенний, редкий такой день был... Какое-то движение происходит. Ктой-то такой? Представьте себе: открываю дверь — что-то белое движется по коридору впереди меня. Что такое? Страшно стало, вот. А поскольку дверь открыта и в другом кабинете дверь открыта, солнечные лучи по этому белому как-то сияют. Это белое движется. Я думаю: не рехнулся ли? Потихоньку, потихоньку подхожу — белое движется. Потом что оказалось? Холо-

<sup>23</sup> Ю. С. Мелещенко ушел из жизни 9 мая 1972 г.

<sup>24</sup> А. В. Кольцов был назначен временно исполняющим обязанности заведующего Ленинградским отделением ИИЕТ 13 июня 1972 г. и оставался в этой должности до 30 мая 1973 г., когда постоянным заведующим ЛО ИИЕТ был назначен д. м. н. Н. А. Толконцев.

<sup>25</sup> Райков Б. Е. Русские биологи-эволюционисты до Дарвина. Материалы к истории эволюционной идеи в России. Т. 1. М.; Л., 1952; Т. 2. М.; Л., 1951; Т. 3. М.; Л., 1955; Т. 4. М.; Л., 1959.

дильник. Стоял холодильник у нас в конце коридора, а такой богатырь, как Борис Ильич [Иванов], нес этот холодильник на спине. И так равномерно двигался. Так я и тут испугался: вижу, что кто-то несет, и если я крикну, он или упадет с холодильником, или холодильник разобьет, или холодильник его задавит. Вот такой случай был. Я рассказал на юбилее Бориса Ильича, он говорит: «Да, помню».

**— Но ведь кроме административной и организаторской работы вы успевали заниматься и творческой деятельностью?**

Эти тома — тома истории Академии наук — взяли много крови, много нервов, потому что авторы — замечательные ученые — не всегда исполнительные, а тут план, дирекция требует, чтобы все было выполнено в срок, а если автор на стороне и не дает статьи, — значит, рукопись не готова: все это шло на нервах — ну и так далее. И тем не менее я пришел к выводу, что одного этого для меня мало: я и свой собственный, индивидуальный план имел. Всякую свободную минуту я сидел в Архиве Академии наук. Там выписки делал. Собран был очень большой материал. В результате десять (в соавторстве три и семь моих) книг вышло у меня, за моей подписью по истории Академии наук. Что можно сказать о них? Книги суше, чем я сам, потому что не только тема, но и время было такое. Надо было обязательно начинать с январского пленума ЦК КПСС. Уже корректура идет, прошла уже, а состоялся пленум — надо вносить изменения. Но две последние у меня книги вышли — там я более раскован, и уже там, как мне кажется, ближе к истине. Первая из них называется

«Ленинградские учреждения Академии наук»<sup>26</sup>. Я попытался рассказать так, как было на самом деле. А последняя — о воссоздании деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил, тоже там попытался<sup>27</sup>.

**— Анатолий Васильевич, кого вы можете назвать своими учителями?**

Да, да, да. У кого учился я... Учиться ведь необязательно у тех, с кем непосредственно общаешься, по книгам учиться надо... В Москве очень много прекрасных авторов старшего поколения. На их книгах учился. Николай Александрович Фигуровский хорошо о Менделееве писал, Адольф Павлович [Юшкевич] по истории математики, Леонид Яковлевич Бляхер, Иван Андреевич Федосеев, прекрасный стилист Александр Сергеевич Федоров был, я со всеми был знаком.

**— Как вы относитесь к институту? Что он для вас?**

К институту... Я не мыслю жизни без института. Самое доброе отношение ко мне было... Ну, вроде мы задержались. Если вы еще что-то хотели спросить — ради бога, я все могу рассказать.

**— Спасибо вам огромное за ваш рассказ.**

Да, да, да. Но я вот не нарисовал, не нарисовал целостной картины учреждения, вот так.

**— Но, может быть, вы когда-нибудь еще сделаете это.**

<sup>26</sup> Кольцов А. В. Ленинградские учреждения Академии наук СССР в 1934–1945 гг. СПб., 1997.

<sup>27</sup> Кольцов А. В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб., 1999.

Да, да, да. Так сейчас скажу: обстановка в нашем учреждении в нынешние времена очень хорошая, директор у нас очень хороший, настоящий хозяин, заботится об учреждении. Так что сейчас я спокоен. Московская дирекция в лице Владимира Михайловича [Орла] и Алексея Владимировича [Постникова] тоже относится хорошо. Но когда все дела здесь решаются, зачем беспокоить московскую дирекцию? Я думаю, из заведования сектором я все-таки уйду. Ну, поработаю сколько будет позволено. У меня и тематика есть...

— *А когда возникла такая независимость от московского института?*

К стыду своему, я даже даты не знаю. Примерно лет десять назад. Это облегчает нашу работу. Но общая наша точка зрения, что наш филиал обязательно должен быть в составе института. Вот покойный Юрий Сергеевич Мелещенко, будучи заведованием, политику такую вел, что-

бы выйти из состава института и стать полностью независимыми. Это ни к чему хорошему не приведет, кроме как к ликвидации полностью филиала. А когда мы — органическая часть московского института, который дал нам известные права — утверждать рукописи, брать сотрудников, — это самое идеальное положение. И практикой всей Академии наук это подкреплено.

— *Спасибо вам большое.*

Вам спасибо за внимание. Извините меня, как говорил московский артист Ефремов, руководитель МХАТа, за косноязычие.

*Беседу вели:*

*О. А. Валькова, А. А. Жидкова*

*23 ноября 1999 г.,  
г. Санкт-Петербург  
Санкт-Петербургский филиал  
Института истории  
естествознания и техники  
им. С. И. Вавилова РАН*